

Г. ВИНОВУР

ПУШКИН И РОССИЯ

ГОСЛПТИЗДАТ 1942

Г. В И Н О К У Р

ПУШКИН И РОССИЯ

О Г Н З

Государственное издательство
художественной литературы
МОСКВА 1942

Великая отечественная война, которую при исключительном напряжении всех сил ведут сейчас народы Советского Союза с варварским и зверским фашизмом, это не просто борьба двух армий, двух военных организаций, но также серьезная историческая проверка человеческого достоинства тех, кто принимает участие в этой борьбе. Вероломный враг, изменнически напавший на нашу родину, надеялся, что ему удастся разбить нас одной своей военной техникой. Но он просчитался не только потому, что встретил со стороны героической Красной Армии неожиданное для него мощное военно-техническое сопротивление. Он просчитался также и потому, что с первой же минуты военных действий оборона нашей родины от нашествия захватчиков приняла *всенародный* характер.

Это значит, что народы Советского Союза принесли на поле сражений не только свое первоклассное военное снаряжение, но и все величайшие нравственные и духовные ценности, которыми они обладают как законные наследники великих братских культур, выросших на территории нашей отчизны. Подонки человечества, которых сумел увлечь за собой своей исторической пропагандой маниакальный выродок Гитлер, смутно чувствуют, что в нынешней войне побеждают не только танки и самолеты. Они боятся мощи национального духа своих противников. Гитлер с бессмысленной заносчивостью уверяет, будто «народ, считающий Льва Толстого великим писателем, должен быть стерт с лица земли». Тем не менее псулчавым завоевателям

уже сейчас приходится практически убеждаться в непобедимости народов, которым в их борьбе помогают их национальные гении. С предельной ясностью выразил эту мысль в своей исторической речи 6 ноября 1941 г. товарищ Сталин. Нарисовав нравственный портрет вождей германского фашизма, «потерявших человеческий облик и павших до уровня диких зверей», товарищ Сталин далее заявил:

«И эти люди, лишенные совести и чести, люди с моралью животных имеют наглость призывать к уничтожению великой русской нации, нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова!»

В этом блестящем созвездии лучших людей русского народа, которыми вправе гордиться все передовое человечество, лучезарной звездой первой величины сияет прекрасное имя величайшего русского поэта, Александра Сергеевича Пушкина (1799—1837).

Имя Пушкина пользуется широчайшей известностью не только в нашей стране, но и во всем мире. С этим именем прочно и незыблемо, на веки вечные, в сознании человечества связано представление о тех ценностях в сокровищнице мировой культуры, которые внесены в нее русским пародом. Для великого множества просвещенных европейцев и американцев имя Пушкина есть символ России, ее культуры, ее духовного достоинства, ее права на одно из самых почетных мест в содружестве цивилизованных наций.

«Пушкин — наше все», — сказал когда-то даровитый русский критик Аполлон Григорьев. В этой крылатой фразе нашла себе выражение та истина, что чувство любви и близости к Пушкину для русского человека неотделимо от его национального самосознания. Невозможно сознавать себя русским, невозможно чувствовать кровную связь с Россией, ее историей, ее культурой, не зная и не любя Пушкина. Именно тем и объясняется необычайно широко распространенный благоговейный культ Пушкина в нашей стране, что в жизни и творчестве Пушкина самым ярким образом воплотилась национальная самобытность русского народа. Пушкин — это то своеобразное, *собственное*

слово, которое сказал русский народ в истории человечества и которое будет громко звучать до тех пор, пока существует русская национальная культура. Как сказал однажды Герцен, Петр I своими преобразованиями «бросил вызов России», а Россия «ответила ему Пушкиным».

Поистине прекрасны не только не превзойденные до сих пор поэтическое мастерство Пушкина и тот богатый мир идей и чувств, которые воплотились в его поэтических созданиях, но и самая жизнь великого русского поэта. За свою краткую, но бурную и стремительную, исполненную напряженного драматизма жизнь Пушкин был свидетелем — а в известном смысле и участником — целой цепи великих исторических событий, определивших собой в значительной степени историческое будущее России. Детство и отрочество Пушкина прошло в обстановке отзвуков великой буржуазной революции во Франции и после-революционных наполеоновских войн. На заре своей сознательной жизни, тринадцатилетним мальчиком, Пушкин пережил великий в русской истории 1812 год и был свидетелем того, как русский народ, в колоссальном национальном порыве, разгромил поработителя Европы — Наполеона. Молодость и зрелые годы Пушкина прошли в обстановке восстания декабристов (1825) и его последствий. В течение последних лет своей жизни Пушкин имел возможность внимательно следить за такими крупными событиями, как Июльская революция во Франции (1830) и польское восстание (1831), — и не только следить, но и активно на них откликаться. Все это были события громадной исторической важности, почти всегда непосредственно касавшиеся России, ее взаимоотношений с Европой, ее роли в мировой политической и духовной жизни.

И вот замечательно, с какой строгой последовательностью, полнотой и неуклонной настойчивостью раскрывается великая тема родины в жизни и творчестве Пушкина. Обстоятельства рождения, домашняя обстановка и условия воспитания, казалось бы, вовсе не способствовали тому, чтобы именно в Пушкине нашла такой мощный поэтический отклик тема России, ее истории, быта, языка. Подобно большинству дворянских детей конца XVIII — начала XIX века, Пушкин дома получил то полу-

французское, полурусское воспитание, которое так едко было высмеяно вскоре Грибоедовым в «Горе от ума» и которое отличалось тем, что всему французскому ребенка *учили* с помощью гувернеров и гувернанток, а русскому ребенок в лучшем случае *учился* сам, как мог, чаще всего от мамушек и нянюшек, из общения с дворней и природой. Сам Пушкин в резких и верных чертах изобразил этот воспитательный процесс в «Евгении Онегине»:

Судьба Евгения хранила:
Сперва Madame за ним ходила,
Потом Monsieur ее сменил,
Ребенок был резов, но мил,
Monsieur l'Abbé, француз убогий,
Чтоб не измучилось дитя,
Учил его всему шутя,
Не докучал моралью строгой,
Слегка за шалости бранил
И в Летний сад гулять водил.

Особенно характерен в этом отношении образ Татьяны, воспитавшейся на чтении иностранных романов (разумеется, на французском языке), но не умеющей писать по-русски:

Она по-русски плохо знала,
Журналов наших не читала,
И выражалася с трудом
На языке своем родном.
И так, писала по-французски...

И в то же время Пушкин говорит о Татьяне, что она была «русская душою», причем с большой проникательностью добавляет: «сама не зная почему». Однако сам поэт хорошо знает, на какой почве выросло в характере Татьяны чувство связи с родиной. Оно ей было внушено близостью к родной природе и общением с «преданьями простонародной старины», которые были ей переданы ее няней, старушкой Филиппьевной. Так было и с самим Пушкиным. К счастью для него и для русской культуры, семена народности, брошенные в его детскую душу хранительницей заветов старинного русского быта, бабушкой Марьей Алексеев-

ной Ганнибал, и няней Ариной Родионовной, попали на благодарную почву. Еще мальчиком, в 1816 году, поэт так писал об этих своих детских впечатлениях:

Ах! умолчу ль о мамушке моей,
О прелести таинственных ночей,
Когда в чепце, в старинном одеянье,
Она, духов молитвой уклоня,
С усердием перекрестит меня
И шопотом рассказывать мне станет
О мертвецах, о подвигах Бовы...
Я трепетал, и тихо, наконец,
Томленье сия на очи упало.
Тогда толпой с лазурной высоты
На ложе роз крылатые мечты,
Волшебники, волшебницы слетали,
Обманами мой сон обворожали,
Терялся я в порыве сладких дум;
В глуши лесной, средь Муромских пустыней
Встречал лихих Полканов и Добрыней,
И в вымыслах носился юный ум...

Пушкин на всю жизнь сохранил эту детскую любовь к русской народной сказке, и она отчетливо заметна в целом ряде его произведений, как юношеских, так и зрелых. Отсталые критики встретили в пытки первое крупное произведение Пушкина, поэму «Руслан и Людмила», именно за ее тесную связь с мотивами народного творчества. «Живо помню, — с негодованием писал один из таких критиков, — как все это, бывало, я слушал от няньки моей; теперь на старости лет сподобился вновь то же самое услышать от поэтов нынешнего времени!»

Но, разумеется, неверно было бы сводить все национальное значение поэзии Пушкина к одной только связи его творчества с русским фольклором или видеть источник пушкинской народности исключительно в его детских впечатлениях и нянинских сказках. Как уже сказано выше, сама жизнь и историческая обстановка давали обильный материал для глубоких размышлений и переживаний, связанных с родиной. Но нужен был мощный гений Пушкина, его светлый ум и чуткое, отзывчивое сердце для того, чтобы так верно расслышать голос родины в бурной смене впечатлений, волновавших русское общество начала

ХІХ века, и, преодолев в себе последствия «полурусского» воспитания, откликнуться на этот голос с такой потрясающей поэтической силой.

Колоссальное значение в этом отношении имела для Пушкина отечественная война 1812 года. Война застала Пушкина на втором курсе Царскосельского лицея, привилегированного учебного заведения для узкого круга дворянских детей, куда родителям Пушкина, средним дворянам, не принадлежавшим к тогдашней знати, удалось поместить сына с помощью различных связей во влиятельных кругах. Время было такое, что передовые идеи свободолюбия и национального достоинства, вопреки воле правящих кругов и царя, не только нашли себе доступ в среду лицейстов, но и прочно там угнездились. Конечно, далеко не все воспитанники лицея шли в ногу со временем и оказались чуткими к его веяниям. Не подлежит, однако, никакому сомнению, что лицей сыграл довольно важную роль в воспитании того поколения дворянских революционеров, которые 14 декабря 1825 года пытались с оружием в руках изменить государственный строй России. Из лицея вышло и несколько непосредственных участников декабрьского восстания, как, например, Пущин и Кюхельбекер, близкие друзья Пушкина. Либеральные настроения среди лицейстов рано перестали быть секретом для охранителей самодержавно-полицейского строя Романовых. При этом заслуживает особого внимания то, что одним из проявлений либерального «лицейского духа» реакционная власть считала *патриотизм* лицейстов. По словам одного из шпионов, составившего уже после событий 1825 года сохранившееся в наших архивах донесение о «лицейском духе», лицейст «должен толковать о конституциях, палатах, выборах, парламентах; казаться неверующим христианским догматам и *более всего представляться филантропом и русским патриотом*».

Действительно, патриотизм, но вовсе не показной, как пытается изобразить дело шпион, а неподдельный, сознательная любовь к родине, умение не только гордиться ее успехами, но также и болеть ее невзгодами, есть характерная черта в жизненном поведении лучших представителей «лицейского духа». К их числу безусловно принадлежал и Пушкин. В своих более поздних авто-

биографических записках близкий друг поэта, И. И. Пущин, очень точно формулировал зависимость патриотического движения в среде лицейстов от событий 1812 года:

«Жизнь наша лицейская, — писал Пущин, — *сливается с политической эпохой народной жизни русской*: приготовлялась гроза 1812 года. Эти события сильно отразились на нашем детстве... Газетная комната никогда не была пуста в часы, свободные от классов; читались наперерыв русские и иностранные журналы, при неумолкаемых толках и прениях, всему живо сочувствовалось у нас: опасения сменялись восторгами при малейшем проблеске к лучшему».

Естественно, что тема отечественной войны 1812 года нашла очень громкий отклик в поэтическом творчестве Пушкина. Эта тема входит в творчество Пушкина органически и глубоко. Уже в детских откликах Пушкина на события 1812 года за любованием внешней, парадной стороной победоносной войны чувствуется стремление связать русскую победу над Наполеоном с общим ходом русской истории, понять эту победу как закономерный этап в осуществлении Россией ее исторического предназначения. И вместе с тем Пушкин постоянно говорит об этих событиях не как посторонний и бесстрастный наблюдатель, а голосом, исполненным глубокого внутреннего чувства, как человек, для которого боль родины есть его личная боль, счастье родины — его личное счастье.

Эти две линии в отношении Пушкина к войне 1812 года, возникшая в его ранних произведениях, крепнут и остаются неизменными в его творчестве до конца. В детском, еще подражательном, но по-своему блестящем стихотворении «Воспоминания в Царском Селе», читанном Пушкиным на лицейском экзамене в январе 1815 года, поэт ставит события 1812 года в прямую связь с колоссальными успехами русской государственности в течение XVIII века:

О громкий век военных споров,
Свидетель славы Россиян!
Ты видел, как Орлов, Румянцев и Суворов,
Потомки грозные славян,
Перуном Зевсовым победу похищали;
Их смелым подвигам, страшась, дивился мир...

И ты промчался, незабвенный!
И вскоре новый век узрел,
И брани новые, и ужасы военны...

Наполеон напал на Россию, но он не предвидел сопротивления, которое его ожидало:

Страшись, о рать иноплеменных!
России двинулись сыны,
Восстал и стар, и млад, летят на дерзновенных,
Сердца их мщеньем зажжены.
Вострепещи, тиран! Уж близок час паденья!
Ты в каждом ратнике узришь богатыря,
Их цель иль победить, иль пасть в пылу сраженья
За Русь...

Проникновенным голосом юноша-поэт говорит о трагической роли, которая выпала на долю Москвы:

Края Москвы, края родные,
Где на заре цветущих лет
Часы беспечности я тратил золотые,
Не зная горестей и бед,
И вы их видели, врагов моей отчизны,
И вас багрила кровь и пламень пожирал!..
Где ты, краса Москвы стоглавой,
Родимой прелесть стороны?

и т. д. Но вот как рисуется поэту конечный итог войны:

Где ты, любимый сын и счастья, и Беллоны¹,
Презревший правды глас, и веру, и закон,
В гордыне возмечтав мечом низвергнуть троны?
Исчез, как утром страшный сон!
В Париже росс! Где факел мщенья?
Поникни, Галлия, главой.
Но что я вижу? Росс с улыбкой примиренья
Грядет с оливою златой.
Еще военный гром грохочет в отдаленье,
Москва в унынии, как степь в полнощной мгле,
А он — несет врагу не гибель, но спасенье
И благотворный мир земле.

---

¹ Обращение к Наполеону. Беллона — богиня войны в римской мифологии,

Здесь не место подробно перечислять все отклики Пушкина на войну 1812 года, воспитавшую его как поэта-гражданина, но нельзя не показать хотя бы на одном примере, как углубилось историческое воззрение Пушкина и каким обаятельным стал его лиризм в его зрелых произведениях, касающихся этой темы. Об этом говорят знаменитые строфы из 7-й главы «Евгения Онегина», при звуке которых до сих пор начинает учащенно биться сердце русского человека:

Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!
Москва... Как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!
Вот, окружен своей дубравой,
Петровский замок. Мрачно он
Недавнюю гордится славой.
Напрасно ждал Наполеон,
Последним счастьем упоенный,
Москвы коленопреклоненной
С ключами старого Кремля:
Нет, не пошла Москва моя
К нему с повинной головою.
Не праздник, не приемный дар,
Она готовила пожар
Нетерпеливому герою.
Отселе, в думу погружен,
Глядел на грозный пламень он.

Но ошибочно было бы заключать из сказанного, будто Пушкин, глубоко почувствовав и осмыслив историческое величие русского подвига 1812 года, не видел недостатков в России его времени и закрывал глаза на общественные язвы, причинявшие жестокую боль народным массам и лучшим представителям господствующего класса. Пушкин превосходно понимал, что войну 1812 года выиграл *русский народ*, а не царское правительство и его дворянская опора. Иронически говорит об этом Пушкин в не увидевшей при его жизни света и не дописанной им из-за цензурных условий 10-й главе «Евгения Онегина»:

Гроза двенадцатого года
Настала — кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима, иль русский бог?

В повести «Рославлев», полемическом отрывке против одноименного романа Загоскина (1831), читаем: «Все говорили о близкой войне, и, сколько помню, довольно легкомысленно... К несчастью, заступники отечества были немного простоваты; они были осмеяны довольно забавно и не имели никакого влияния. Их патриотизм ограничивался жестоким порицанием употребления французского языка в обществах, введения иностранных слов, грозными выходками противу Кузнецкого моста и тому подобными. Молодые люди говорили обо всем русском с презрением или равнодушием... Словом, общество было довольно гадко. Вдруг известие о нашествии и воззвание государя поразили нас. Москва взволновалась... Гонители французского языка и Кузнецкого моста взяли в обществах верх и гостинные наполнились патриотами: кто высыпал из табакерки французский табак и стал нюхать русский; кто сжег десяток французских брошюр, кто отказался от лафита и принялся за кислые щи. Все заклились говорить по-французски: все закричали о Пожарском и Минине и стали проповедывать народную войну, собираясь на долгих отправиться в саратовские деревни. Поллина (героиня повести) не могла скрыть свое презренье, как прежде не скрывала своего негодования».

Эти строки, исполненные духа тонкой и острой сатиры, продиктованы были Пушкину тем глубоким конфликтом, который существовал у него с господствующей средой его времени и тогдашней русской властью и который, в конце концов, привел к трагической гибели поэта. Общеизвестны основные этапы этого конфликта. В 1820 году — ссылка на юг по распоряжению Александра I, длившаяся свыше четырех лет и сменившаяся более чем двухлетним заточением в глухой деревушке Псковской губернии Михайловском. Далее — мнимое «прощение» со стороны нового царя, Николая I, безуспешно в течение десяти лет пытавшегося «приручить» поэта то кнутом, то пряником, — то угрозой отдачи под суд за старые стихи о французской рево-

люции, то камер-юнкерским мундиром, — и неизменно оскорблявшего нравственное достоинство поэта и причинявшего ему жестокую душевную боль. И в конце концов — свирепая травля 1836—1837 годов, в которой приняли участие «сливки» тогдашнего общества при молчаливом попустительстве властей, травля, закончившаяся смертельной раной на дуэли с Дантесом 27 января 1837 года.

Достаточно вспомнить только эти, самые основные, даты из истории не прекращавшейся почти двадцать лет борьбы между Пушкиным и теми, кому в это время в России принадлежали власть и влияние, чтобы понять, какой тяжелой и невыносимой должна была порою казаться Пушкину его жизнь. В отдельные минуты его отчаяние заходило так далеко, что у него вырвались проклятия по адресу страны, в которой он жил. «Святая Русь мне становится невтерпёж», — пишет Пушкин своему брату в 1824 году, замышляя побег за границу. В 1836 году, окруженный ненавистью «высшего света» и замученный постоянными преследованиями полиции, Пушкин в письме к жене восклицает трагически: «Чорт догадал меня родиться в России с душою и талантом». Но не трудно понять, что здесь идет речь о самодержавно-крепостнической России, о России Аракчеева и Николая I, о той России, которая стяжала себе печальную славу международного жандарма и безвозвратно погибла в 1917 году под ударами победоносной пролетарской революции, а вовсе не о России *русского народа*, не о той России, которая дала миру целую плеяду великих гениев человечества, которая в 1812 году избавила мир от Наполеона, а в 1942 году избавляет его от фашистского изуверства. Пушкин мучился в тисках полицейского режима, опиравшегося на бездушную бюрократическую, глубоко поножественную и совершенно чуждую стране «знать». Этому миру он посылал свои проклятия. Но вместе с тем он ни на минуту не переставал быть верным и любящим сыном своей родины, постоянно сознававшим свою кровную и неразрывную связь с ней. В том же 1836 году, отвечая П. Я. Чаадаеву, автору известнейших «Философических писем», проникнутых безнадежно скептическим отношением к России, ее прошлому и будущему, Пушкин вдохновенно пишет: *«Клянуся вам, моей честью, что*

ни за что на свете я не хотел бы переменить родину или иметь другую историю, чем история наших предков, какой нам дал ее бог», хотя тут же целиком соглашается с Чаадаевым в его критике общественных неустройств николаевской эпохи.

Всю свою жизнь Пушкин оставался верен этому глубокому чувству полного слияния с родиной. Это чувство заставляло его искать сближения с декабристами, широко распространявшимися в агитационных целях подпольную поэзию Пушкина, но боявшимися, из конспиративных соображений, включить ссыльного поэта в число членов тайного общества, так как он был слишком на виду и за ним очень зорко следили правительственные агенты. Однако Пушкин, горячо сочувствовавший движению декабристов, был гораздо прочнее связан с широкими кругами русского общества, чем дворянские революционеры, которые, по мудрому слову В. И. Ленинна, «были страшно далеки от народа». Пушкин, наоборот, впитал в себя лучшие соки русского народного характера и сумел претворить их в бессмертные поэтические создания, прославившие Россию и ее народ навсегда и повсюду.

Громадную нравственную поддержку и богатейший творческий материал дало Пушкину его пристальное внимание к русской истории, к русскому языку и фольклору, к русской природе, характерное для переломного этапа его биографии от молодости к зрелости, падающего на 1823—1826 годы. В эти годы заканчивается период пушкинского романтизма, который уступает место реалистическому отношению к действительности и реалистическому методу художественного творчества. Именно в эти переломные годы Пушкин начал писать свое самое большое произведение — роман в стихах «Евгений Онегин», впоследствии удивительно метко названный знаменитым критиком Белинским «энциклопедией русской жизни». В это же время создается гениальная трагедия Пушкина «Борис Годунов», в острой форме ставящая проблему власти и народа в русской истории.

«Борис Годунов» оказывается центральным и переломным произведением в творчестве Пушкина. Трагедия задумывается Пушкиным как первый шаг к реформе русского театра, которому поэт, опираясь на шекспировскую традицию, по его прямому

признанию, хочет придать *народный* характер вместо прежнего — «придворного». Пушкин открыто заявляет, что хочет вернуть драму из дворца «на площадь», где она и родилась.

Вместе с тем «Борис Годунов» есть первое крупное *историческое* художественное произведение Пушкина, открывающее целый цикл поэтических шедевров, в котором тема родины раскрывается в образах истории. Важнейшие из этих произведений, целиком уже принадлежащих поре полной зрелости пушкинского гения, — это поэмы «Полтава» и «Медный Всадник» и повесть «Капитанская дочка». С этим же направлением пушкинского творчества связаны и его чисто исторические работы, как «История Пугачева» и неоконченная история Петра I. Величественный образ России как мировой духовной силы, несущей свой собственный вклад в общее дело человечества в процессе внутреннего своего роста и преодоления внутренних противоречий, встает перед нами из этих дивных созданий пушкинской поэзии. Вот как говорит об этом Пушкин в «Полтаве»:

303//
Была та смутная пора,
Когда Россия молодая,
В бореньях силы напрягая,
Мужала с гением Петра.
Суровый был в науке славы
Ей дан учитель: не один
Урок неожиданный и кровавый
Задал ей шведский паладин.
Но в искушеньях долгой кары
Перетерпев судеб удары,
Окрепила Русь. Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат.

Замечательна следующая затем аналогия полтавской победы над шведами с разгромом Наполеона в 1812 году, показывающая, в каком тесном единстве представлял Пушкин события русского прошлого и события, ему современные:

Венчанный славой бесполезной,
Отважный Карл скользил над бездной,
Он шел на древнюю Москву,
Взметая русские дружины,
Как вихорь гонит прах долины,

И клонит пыльную траву.
Он шел путем, где след оставил
В дни наши новый, сильный враг,
Когда падением ославил
Муж рока свой попятный шаг.

Далее, в «Медном Всаднике» тема России, ее мужества и славы дана в блестящем образе Петербурга:

Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия, —

сливающимся в поэме в одно гармоничное и мощное целое с образом Петра I, личность которого долгое время привлекала к себе пристальное внимание поэта. Значение поэмы как поэтического оправдания великого дела Петра давно уже правильно было раскрыто Белинским. «Эта поэма, — писал Белинский, — апофеоза Петра Великого, самая смелая, самая грандиозная, какая могла только прийти в голову поэту, вполне достойному быть певцом великого преобразователя России. Александр Македонский завидовал Ахиллу, имевшему Гомера своим певцом: в глазах нас, русских, Петру некому завидовать в этом отношении». Трудно, в самом деле, в мировой литературе указать что-нибудь равное по вдохновенной силе изображения и идейной значительности знаменитым строкам «Медного Всадника», содержащим картину памятника Петру I:

... он узнал

И львов, и площадь, и того,
Кто неподвижно возвышался
Во мраке медною главой,
Того, чьей волей роковой
Под морем город основался...
Ужасен он в окрестной мгле!
Какая дума на челе!
Какая сила в нем сокрыта!
А в сем коне какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь
И где опустишь ты копыта?
О мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной
На высоте уздой железной
Россию вздернул на дыбы?

Наконец «Борис Годунов» и последовавшие за ним произведения Пушкина на исторические темы важны еще и в том отношении, что занятия русской историей и древностями послужили для Пушкина мощным толчком к новому и на этот раз углубленному изучению русского народного быта, русского фольклора, русского языка. Новыми глазами начинает видеть Пушкин русскую природу, освободившись от романтических иллюзий молодости. Полемизируя со своими молодыми настроениями, Пушкин в «Евгении Онегине» писал:

Иные нужны мне картины:
Люблю песчаный косогор,
Перед избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор,
На небе серенькие тучи,
Перед гумном соломы кучи —
Да пруд под сенью ив густых,
Раздолье уток молодых;
Теперь мила мне балалайка
Да пьяный топот трепака
Перед порогом кабака.
Мой идеал теперь — хозяйка,
Мои желанья — покой,
Да щей горшок, да сам большой.

Несмотря на полемичность заявляемых здесь симпатий к пьяному топоту трепака и щам, все же и они, без сомнения, могли быть внушены поэту только прочно осознанным чувством единения с родной национальной почвой. Без преувеличения можно сказать, что приведенные строки открывают собой в русской литературе бесконечную цепь произведений о русской природе как выразительнице русского народного духа. Примером может служить хотя бы знаменитое стихотворение Лермонтова: «Люблю отчизну я, но странною любовью».

Двухлетним заточением в Михайловском Пушкин воспользовался для ознакомления с народным бытом и народной поэзией в их первоисточниках. Одетый в деревенское платье, Пушкин ходит по базарам, записывает народные песни, слушает сказителей, размышляет о значении пословиц. «Что за роскошь, что за смысл, какой толк в каждой поговорке нашей!

Что за золото!» — восклицает Пушкин. Аналогичен его отзыв о русских сказках, из которых каждая, по его словам, «есть поэма». В ряде первоклассных созданий своей поэзии, в балладе «Жених» 1825 года, в известных каждому русскому ребенку сказках, в драме «Русалка», Пушкин настойчиво стремится влить в русскую литературу мотивы и самый дух русского фольклора, придать русскому народному творчеству общенациональное литературное выражение.

И вся эта грандиозная духовная работа венчается поистине величайшим подвигом — замечательным преобразованием русского литературного языка по пути сближения и слияния его с языком народным. Горячая любовь Пушкина к родному языку заставила его принять как личное оскорбление случайное замечание товарища по литературе, Вяземского, о том, что русский язык беден рифмами. Смело порывая с долговечными традициями, которые связывали писателей сложными системами условностей при пользовании родной речью в литературе, Пушкин прямо зовет своих товарищей по перу учиться языку у народа. «Изучение старинных песен, сказок и т. п., — говорит Пушкин, — необходимо для совершенного знания свойств русского языка». В другом месте Пушкин говорит: «Вслушайтесь в простонародное наречие, молодые писатели, — вы в них можете научиться многому, чего не найдете в наших журналах». Решительно и беспощадно боролся Пушкин с непрошенными судьями, придиравшимися к малейшему отклонению от бесцветного и вылощенного языка гостиных в сторону сближения с народной речью: «Не должно мешать свободе нашего богатого и прекрасного языка», — заявляет Пушкин в одном из полемических примечаний к «Евгению Онегину» и твердо следует этому лозунгу в течение всей зрелой поры своей литературной жизни.

Никто до Пушкина в русской литературе не раскрывал с таким блеском и величием тему отчизны, никому до него не привелось создать образ русского поэта, целиком погруженного мыслями и чувствами в родную стихию, никто из его литературных предшественников не отличался такой горячей и напряженной любовью к родному слову, родной песне, и таким глу-

боким чутьем к историческим законам, управляющим жизнью и развитием России. Все это по праву делает Пушкина величайшим русским народным поэтом, основоположником новой русской литературы и создателем русского литературного языка.

Но, гордясь и любясь Пушкиным как *русским* поэтом, мы не должны упускать из виду также той связи, которая существует между Пушкиным и остальными народами, входящими в дружную советскую семью. Сам Пушкин живо интересовался историей, бытом и фольклором тех национальностей, с которыми сталкивала его судьба. В Крыму, на Кавказе, в калмыцких степях, всюду, куда забрасывала Пушкина его тревожная судьба, он присматривался к местным обычаям, знакомился с местными сказками и песнями, размышлял о правах и обязанностях России по отношению к многочисленным населяющим ее народам, — и всему этому давал посильное отображение в своей поэзии. Пушкин не только великий народный русский поэт, но и гениальный организатор духовной связи между русским народом и его младшими братьями; нет никакого сомнения в том, что и сам Пушкин понимал это значение своей деятельности. Он пророчески угадал, что его творчество будет служить как бы воротами в русскую культуру для всех национальностей России, заявив в своем предсмертном стихотворении:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык ¹,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгуз, и друг степей калмык.

Таково было отношение поэта к вскормившей его родине. И родина высоко оценила заслуги Пушкина перед ней. Сразу же после трагической гибели Пушкина демократические слои русского общества, несмотря на противодействие реакционной власти, провозгласили Пушкина великим русским национальным поэтом. Похороны Пушкина настолько серьезно угрожали вылиться в широкую народную демонстрацию, что правительство принуждено было тайком, ночью вывезти прах Пушкина

---

¹ Т. е. народ.

из Петербурга, отменив погребальную церемонию. Можно сказать, что с самого дня безвременной кончины гениального поэта, острой болью поразившей все, что было благородного, мыслящего и чувствующего в тогдашней России, установилось то общенародное благоговейное почитание Пушкина и его памяти, которое с годами становится все более прочным и сознательным.

Особенно популярным, близким и дорогим стал Пушкин для широких масс русского и братских народов после Великой социалистической революции 1917 года. Сочинения Пушкина печатаются у нас и моментально расходятся в миллионах экземпляров. С каждым днем умножаются и улучшаются переводы сочинений Пушкина на языки всех советских народов. В музеях, библиотеках, архивах, научных институтах, высшей школе нашей страны кипит напряженная работа, ставящая себе целью изучить все, связанное с жизнью и творчеством великого поэта, и довести его создания до каждого рабочего и крестьянина Советского Союза. С необыкновенным подъемом была отмечена в нашей стране в 1937 году столетняя годовщина смерти поэта. По всей стране прошла великая волна торжеств, связанных с этой датой. По постановлению правительства в Москве создан особый Государственный музей А. С. Пушкина, вошедший в систему учреждений Академии наук СССР. В этом музее собраны все сохранившиеся рукописи поэта, любовно и тщательно изучаемые лучшими специалистами-учеными. Музей ведет планомерную научную работу по Пушкину, составляет словарь языка Пушкина, разрабатывает скрупулезную по точности летопись жизни и творчества Пушкина, выпускает посвященные Пушкину исследования и сборники, организует выставки по Пушкину и т. д. Все это говорит о том, что в наше время Пушкин действительно стал *всенародным достоянием* великого содружества национальностей, объединенных в Советский Союз.

Естественно, что фашистские варвары, лелеющие бессмысленные мечты о порабощении советских народов, но терпящие позорные неудачи в своих замыслах, срывают свою злобу и на народной любви к Пушкину. За время военных действий

накопилось уже множество сведений о том, как гитлеровские разбойники глумятся над памятью Пушкина, расстреливают его портреты, громят посвященные ему музеи, оскверняют места, где жил Пушкин, сжигают на кострах его произведения и т. д. Но эта бессильная злоба громил и людоедов им не поможет. Любовь к Пушкину бессмертна. Сбывается слово поэта Тютчева, когда-то, в замечательном стихотворении на смерть Пушкина, сказавшего:

Тебя ж, как первую любовь,
России сердце не забудет!

Как свидетельствует речь товарища Сталина 6 ноября 1941 года, советские народы не только не забывают своего национального поэта, но и в бой с фашистскими насильниками идут с именем Пушкина на устах.

10 января 1942 г.
Чистоволь

Редактор А. Мясников

Подписано к печати 17/VI 1942 г. А50279. Тираж 25 000 экз. 3/4 печ. л. 0,86 уч.-авт. л.
67 000 зн. в печ. л. Зак. № 882. Цена 50 коп.

1-я Образцовая тип. Огиза РСФСР треста „Полиграфкнига“. Москва, Валовая, 28.
